

Час спустя Сюй Цзюньюань прибыл во дворец. Евнух провел его в Императорский сад, где тот увидел не императора, а идеальную красивую пару.

Сюй Цзюньюань несколько не удивился. Напротив, он даже заговорил шутливым тоном: «С давних времен красавцы гармоничны смотрятся рядом с героями. Увидев вас двоих издалека, меня можно простить за то, что в первую секунду я подумал о том, что попал в картину с красавицами. Если бы императорский лекарь Линь был сейчас еще одет в простое белое одеяние, то смог бы подчеркнуть красоту друг друга, сравнимую с эти зимним снежным пейзажем. Это смотрелось бы еще лучше, – сказав это, он кивнул в знак приветствия обоим и добавил: – Приветствую вас, генерал Гу, лекарь Линь».

Линь Циньюй сразу же перешел к делу: «Я пригласил учителя нации во дворец, потому что хотел, чтобы вы совершили гадание для генерала Гу».

Сюй Цзюньюань приподнял брови, делая вид, что удивлен: «На самом деле меня вызвал императорский лекарь Линь? Но чиновники, которые пришли в храм Чаншэн, ясно сказали, что меня хотел видеть сам император. Произошло какое-то недоразумение?»

Тут заговорил уже Гу Фучжоу, заметив: «В чем разница? Император занят множеством государственных дел. Естественно, он не может заниматься всем лично. Мы с супругой действуем по его приказу. Есть ли что-то, чем учитель нации недоволен сейчас?»

Сюй Цзюньюань игривым тоном парировал: «Я бы не посмел. Могу я спросить императорского лекаря Линя, какое предсказание относительно генерала вы хотели бы услышать?»

Линь Циньюй ответил: «Я бы хотел, чтобы учитель предсказал генералу то, что вы предсказали моему покойному мужу, молодому мастеру Хоу».

Немного замявшись, Сюй Цзюньюань медленно проговорил: «Ах, это... Боюсь, это было бы неуместно».

Глаз Линь Циньюй нервно дернулся, когда он раздраженно спросил: «И почему же?»

«По одному вопросу я провожу только одно гадание. Я использовал гороскоп из восьми знаков Цзян-гунцзы, чтобы выяснить, суждено ли ему было умереть два года назад. Таково было мое предсказание. – Сюй Цзюньюань сохранял полную невозмутимость, когда упомянул имя «Цзян-гунцзы», как будто это уже было принятым решением между ними тремя. – Теперь генерал Гу желает гадания по тому же вопросу. Могу я спросить, генерал Гу намерен использовать свой гороскоп из восьми знаков или гороскоп Цзян-гунцзы? Если первое, то генерал Гу уже погиб в бою два года назад. Если другое, то использование тех же восьми знаков для повторного принудительного гадания будет сродни ловле отражения луны в воде*».

[Примечание: 水中捞月 / shuǐ zhōng lāo yuè. Вылавливать из воды отражение луны. Заниматься неосуществимым делом, строить воздушные замки, мартышкин труд, носить воду решетом.]

Линь Цинюй горько усмехнулся: «Как и ожидалось, учитель нации всезнающ».

«Лекарь Линь чрезмерно хвалит меня, – ответил с вежливой улыбкой Сюй Цзюньюань. – Я просто знаю немного больше, чем остальные».

«Обладая таким сверхчеловеческим мастерством, почему вы не можете совершить два гадания по одному вопросу?»

Сюй Цзюньюань терпеливо объяснил: «Невозможно увидеть Путь Небес, когда тебе это захочется. Возможность увидеть его один раз уже является их благословением. Повторное гадание может привести к катастрофе».

«Это смешно, – холодно бросил Линь Цинюй. – Я настаиваю. Сегодня вы должны совершить это гадание».

Сюй Цзюньюань беспомощно повторил: «Как я уже говорил ранее, если я насильно проведу повторное гадание, то увиденное не будет знаменовать собой Путь Небес».

«Цинюй, – позвал лекаря Гу Фучжоу и схватил его за руку. – Его бесполезно просить об этом».

В прошлом году, в годовщину смерти Лу Ваньчэна, Линь Цинюй проснулся посреди ночи в панике. Тогда Гу Фучжоу приложили немало усилий, чтобы успокоить красавца. Он даже написал ему гарантийное письмо. Чего Линь Цинюй не знал, так это то, что Гу Фучжоу на следующий день отправился в храм Чаншэн, настаивая на том, чтобы Сюй Цзюньюань провел для него гадание. Он практически приставил клинок к шее Сюй Цзюньюаня, но все, что он получил в ответ, были теми же оправдания, что он услышал и сегодня.

Рассерженный Линь Цинюй отвел холодный взгляд, спросив: «Ты уже знал о таком исходе?»

Гу Фучжоу уклончиво ответил: «Если бы учитель нации действительно знал все о жизни и смерти, ему следовало бы просто сменить свое имя на Сюй „Книга жизни и смерти“* Цзюньюань. В конце концов, он всего лишь еще один смертный. Его знания ограничены».

[Примечание: 生死簿 / shēngsǐbù. Книга в подземном мире, в которой записана продолжительность жизни каждого живого существа. Месяц, день и час рождения и смерти.]

Сюй Цзюньюань улыбнулся, комментируя: «Как и ожидалось от того, кто прошел через жизнь и смерть. Генерал действительно видит вещи очень ясно. Жизнь и смерть определяются по судьбе, а богатство и знатность зависят от неба. Я надеюсь, что императорский лекарь Линь не будет настаивать дальше на своей просьбе».

Взгляд Линь Цинюй стал острым, возразив: «Несмотря на ваши пожелания, я уже много раз настаивал на своем. Что значит еще один раз?»

Сюй Цзюньюань ответил: «Тогда все, о чем я могу просить императорского лекаря Линя – это довериться Цзян-гунцзы. Он избран Небесами, его путешествие началось издалека. Естественно, у него есть свои сильные стороны. Хотя я не могу предсказать судьбу Гу Фучжоу, я готов поверить в Цзян-гунцзы. В безвыходной ситуации любимый сын Неба будет неожиданно спасен».

«Учитель нации все тот же, – простонал Гу Фучжоу. – Слушать ваши слова равносильно десяти годам обучения впустую».*

[Примечание: □□□□□□□□□□. Снова игра на поговорке, которая гласит, что «слушать слова императора равно десяти годам обучения» т. е. вы извлекли большую пользу из этого разговора. Благодарю за ваши бессмысленные слова.]

Сюй Цзюньюань парировал с искренней улыбкой на лице: «Вы оказываете мне слишком много чести. Ваша похвала чрезмерна».

Гу Фучжоу еще не высказал свою позицию по поводу военного похода, но императору поступало все больше и больше писем с прошениями отправить их на войну вместо генерала Гу. Все это доходило и до рук Линь Цинюя. Большинство из этих военных чиновников были генералами ниже четвертого класса. У каждого имелись как свои сильные стороны, так и слабые. Они подходили для командования передовым отрядом, но вряд ли годились на роль главнокомандующего армией. Один из них все же привлек внимание Гу Фучжоу – У Ююань, внук У Гогуня, семнадцатилетний генерал, который в настоящее время проходил подготовку в войсках императорской охраны.

Гу Фучжоу поинтересовался: «У Ююань? Внук У Гогуня?»

«Да, это он, – Линь Цинюй спросил: – Ты знаешь его?»

«Я встречался с ним пару раз. Младший брат довольно симпатичный, и он фанат генерала Гу. Этот человек упоминался в дополнительных главах „Хуай не признает Его величество“. Там говорилось, что У Ююань унаследовал последнюю волю Гу Фучжоу и в течение следующих десяти лет привел Западное Ся к падению. Однажды мне даже пришла мысль порекомендовать его на северо-запад, но он еще слишком молод, и его военный талант недостаточно раскрыт. В оригинальной книге в юности он потерпел несколько поражений. Только после двадцати пяти лет он стал более уравновешенным, постепенно проявляя свой талант военачальника».

Линь Цинюй заметил: «Семнадцать лет, столько же, сколько было тебе, когда ты впервые пришел в Даюй».

Гу Фучжоу улыбнулся и сказал: «Да. Когда мне было семнадцать, я разводил птиц и играл в тоуху в резиденции Хоу. В то время как здесь у нас юноша, который уже думает о завоевании славы на поле боя».

Линь Цинью спросил: «Ты хочешь, чтобы он отправился на северо-запад?»

Гу Фучжоу ответил: «Учитывая его нынешнюю квалификацию, он, безусловно, подходит для командования, и быть главой передового отряда не должно стать для него проблемой».

Линь Цинью обдумал этот вопрос и предложил: «Если он хочет, тогда возьми его с собой. Если У Ююань останется в столице, то не сможет достичь тех высот, которые были описаны в оригинальной книге. Невозможно достичь чего-то подобного, не испытав шторма. По приезду на северо-запад присматривай за ним. Не позволяй ему идти по старой дороге и действовать опрометчиво ради сиюминутного порыва».

Из только что сказанного Гу Фучжоу понял главное: «Итак, ты согласен отпустить меня?»

Линь Цинью с деланным равнодушием спросил в ответ: «Согласен я или нет, разве это тебя остановит?»

Гу Фучжоу тихо рассмеялся, ответив: «Жизнь и так сложная штука. Есть некоторые вещи, которые лекарь Линь не должен раскрывать».

Рано утром следующего дня в тронном зале императорского дворца Гу Фучжоу, опустившись на одно колено, с серьезным видом проговорил: «В это время большой опасности для Даюй, этот министр готов рискнуть собственной жизнью, чтобы сохранить северо-запад в безопасности. Этот министр, Гу Фучжоу, просит об отправлении его на войну».

Как только прозвучали эти слова, военные чиновники пришли в восторг. У Чжань в волнении сжал кулаки, выкрикнув: «Я так и знал! Я так и знал! Что я говорил? Генерал Гу никогда бы не стал просто сидеть сложа руки и смотреть на это со стороны!»

«С генералом Гу на северо-западе возвращение Юнляна не за горами!»

«Генерал Гу, вы должны отрезать языки этим негодяям из Западного Ся, чтобы отомстить за генерала Чжао!»

На лице У Гогуна сияла довольная улыбка. Уголки губ Си Жуна слегка приподнялись, в глазах промелькнул тайный расчет. Даже на лице вдовствующей императрицы Вэнь появилось выражение облегчения.

Все были счастливы, что Гу Фучжоу лично попросил об отправке его на войну. Только стоявший за тронном императора Линь Цинью мрачно взирал на министров сверху вниз.

Император выглядел вполне довольным, как все разрешилось. Он немедленно удовлетворил просьбу Гу Фучжоу. Кроме того, он назначил У Ююаня командиром передового отряда в военном походе.

Осталось не так много времени до дня убийства всех жителей Юнляна согласно высказанной угрозе Западного Ся. Император дал Гу Фучжоу три дня на подготовку. Три дня спустя генерал должен был возглавить подкрепление войск из столицы, отправленное на северо-запад.

Перед походом у Линь Цинюя и Гу Фучжоу были важные дела. Слуги на ночных дежурствах уже много ночей не приносили в спальню хозяев горячую воду. Легко можно понять, что мысли супругов все это время были далеки от постели.

В то время в атмосфере резиденции генерала не было мрачности и несчастья, на самом деле она была благоговейной и внушающей трепет. Хуань Тун и большинство домочадцев думали, что поход генерала был вызван возвышенными идеалами и высокими устремлениями. Они верили, что в будущем он вернется с триумфом. В то время как женщины, такие как Хуа Лу и прочие, беспокоились о слепых мечях* на поле боя - в конце концов, многочисленные шрамы на теле генерала появились не из ниоткуда. Однако они мало что могли поделать. Все, что они могли - только тщательно шить одежду генералам, стежок за стежком.

[Примечание: 盲劍 / dāojiàn wúyǎn. Мечи слепы. О лёгкости ранения в поединке на мечях.]

Тем временем Линь Цинюй встретился подряд с двумя людьми в резиденции генерала, одним из которых был Ху Цзи. Ху Цзи был любимым императорским врачом бывшего наследного принца и Чэнь Ши, но эти двое ушли вместе с бывшим императором. Тайфэй переехала в сад Цзиньян, и, поскольку во дворце не было ни наложницы, ни принца или принцессы, Ху Цзи оставался там без дела. Большую часть времени он тратил на лечение дворцовых служанок и евнухов.

[Примечание: 太后 / tàifēi. Мать вана / правителя. Наложницы, оставленные дедом или отцом императора в династии, являются тайфэй.]

Линь Цинюй обратился к Ху Цзи с просьбой, не согласится ли он сопровождать армию в качестве их походного лекаря. На что Ху Цзи немедленно согласился. Северо-запад только что пережил несколько крупных поражений. После них осталось бесчисленное количество жертв. В таком месте его навыки могли найти наилучшее им применение. Как лекарь, Ху Цзи смело двигался туда, где в нем особо нуждались.

Медицинские навыки Ху Цзи затмевали большинство навыков его сверстников. Более того, на протяжении многих лет он являлся еще и хорошим другом. Линь Цинюй вполне мог ему доверять. После этого Линь Цинюй написал еще одно письмо и попросил Чжан Шицюаня передать его Чжу Юнсиню в Шучжоу. Когда Шэнь Хуайши попрощался с ним, то он сказал, что о его местонахождении будет известно Чжу Юнсиню, если в будущем Цинюй захочет отыскать его.

Шэнь Хуайши, хотя и не был сведущим в военном искусстве, зато был искусен в боевых навыках. Он провел жизнь, изучая навыки тайного убийства и защиты своего господина, необходимые для теневой стражи императорской семьи. Если он согласится отправиться на северо-запад, чтобы помочь Гу Фучжоу, Линь Цинюю станет спокойнее.

Пока Линь Цинюй тщательно все просчитывал и готовился, многочисленные военные чиновники устроили прощальный ужин для Гу Фучжоу в лагере тяжелой кавалерии. В казармах не разрешалось употреблять алкоголь, поэтому они зажарили только что забитую жирную овцу и пили чай вместо вина, желая генералу великой победы и триумфального возвращения.

Судя по их виду, они искренне считали, что с отправлением непобедимого Гу Фучжоу на северо-запад, все проблемы Даюй будут благополучно решены.

У Гогун похлопал Гу Фучжоу по плечу и сказал: «Брат Фучжоу, я доверяю тебе своего никчемного внука. Этот парень с самого детства изучал со мной военное искусство. У него есть немного таланта и некоторые неплохие способности. В его первой кампании я не прошу его совершать грандиозные подвиги. Я прошу только о том, чтобы он не был для тебя обузой».

Гу Фучжоу ответил с легкой улыбкой, в глубине души призывая У Ююаня поскорее вырасти, чтобы ему он мог побеждать лежа (побеждать с легкостью).

«Генерал, мне очень жаль. Я не должен был говорить, что вы... вы были... – У Чжань тяжело вздохнул и продолжил с раскаянием: – Я надеюсь, что генерал в своем благородстве не примет близко к сердцу оскорбления, совершенные таким низким человеком, как я. Я прошу вас не опускаться до моего уровня, до уровня грубияна».

На что Гу Фучжоу спокойно заверил: «Конечно. Но мне нужно, чтобы вы остались в столице и помогли мне в одном деле».

«Отдайте приказ главнокомандующий! Этот генерал готов пожертвовать собой ради выполнения долга!»

Гу Фучжоу бросил на него многозначительный взгляд, и У Чжань с готовностью понял намек. Двое отошли от толпы в уединенное место, где Гу Фучжоу продолжил: «Я отправляюсь на северо-запад и не знаю, когда вернусь. Я беспокоюсь о том, что мой супруг остается в столице один».

«Генерал говорит об императорском лекаре Лине? – У Чжань выразил непонимание: – Императорский лекарь Линь пользуется благосклонностью как его величества, так и вдовствующей императрицы. Что с ним может случиться?»

Гу Фучжоу медленно проговорил, высказывая свои опасения: «Я тоже надеюсь, что просто слишком много думаю. Но на всякий случай я хочу оставить ему в столице „клинок“, чтобы тот

хорошо защищал его».

«Клинок? – У Чжань с горьким лицом попросил: – Генерал, если вам есть что сказать, просто скажите это прямо. Мой разум не способен понять все эти извилистые словеса».

Гу Фучжоу тихо прошептал: «Я хочу, чтобы ты спрятал для меня группу солдат в столице».

Для мужчин с горячей кровью чай был принципиально неудовлетворительным напитком. Некоторые люди предложили последовать примеру ученых и заказать прогулочную лодку по реке Цзиньшуй. Заказать несколько кувшинов хорошего вина и найти красивых певцов, чтобы те могли развлечь всех. Все были согласны. Но когда они пошли спросить мнение генерала Гу, в казармах не осталось и тени генерала.

Гу Фучжоу вошел во двор резиденции, снял плащ и бросил его слугам. «Цинюй, я сейчас лопну. Сегодня я в одиночку съел большую часть бараньей ноги», – пожаловался он.

Линь Цинюй стоял у стола, улыбаясь ему: «Это хорошо. На кухне почти ничего не приготовили на сегодняшний вечер, только лапшу долголетия. Думаю, что ее ты все равно сможешь съесть».

«Лапша долголетия? – Гу Фучжоу шагнул вперед и увидел на столе две миски дымящейся лапши. Она была посыпана рубленым зеленым луком, в бульоне плавало яйцо всмятку, – А-а-а... скоро же мой день рождения».

Линь Цинюй пояснил свои намерения: «Твой день рождения пройдет в дороге. В этом случае, можно отпраздновать его на два дня раньше».

Гу Фучжоу опустил голову и поцеловал Линь Цинюя в лоб. «Это потрясающе. Спасибо тебе, детка. Сначала я помою руки».

Когда Гу Фучжоу отвернулся, улыбка Линь Цинюя покинула его губы, но стоило Гу Фучжоу развернуться к нему, тот снова улыбнулся.

Они сели за стол, где Линь Цинюй дал указания Гу Фучжоу: «Ты не должен откусывать лапшу».

Гу Фучжоу весело рассмеялся: «Когда ты начал в это верить?»

Линь Цинюй на мгновение растерялся. Верно, он никогда раньше не верил в приметы. «Вероятно, после смерти Лу Ваньчэна», – проговорил он тихо.

Между ними повисла неловкая пауза. Затем Гу Фучжоу взял палочки для еды, улыбнулся и

пообещал: «Тогда я съем ее на одном дыхании».

Двое ели лапшу, когда вошел Хуань Тун и сообщил, что молодой хозяин резиденции У Гогун просит их о встрече. Линь Цинюй спросил, уточняя: «Это У Ююань?»

«Должно быть, – Гу Фучжоу вытер рот платком для рук. – Попроси его подождать в зале для приема. Я скоро выйду к нему».

Линь Цинюй добавил: «Я пойду с тобой».

Красивый семнадцатилетний юноша, облаченный в доспехи императорской охраны, был полон сил, будто обладал неиссякаемой энергией. Как только он увидел Гу Фучжоу, то даже забыл отдать честь, быстро заговорив: «Генерал, я придумал способ прорвать огневое построение военного советника Западного Ся!»

Прежде чем он закончил говорить, У Ююань заметил человека позади генерала и, как будто прикусил язык, замолчав на какое-то время, глупо уставившись на красавца.

Гу Фучжоу приподнял брови и спросил: «Красивый?»

Линь Цинюй бросил на Гу Фучжоу предупреждающий взгляд.

У Ююань оцепенело кивнул: «Красивый».

«Верно, он великолепен».

Всем нравится смотреть на великих красавцев, и Гу Фучжоу не стал бы ревновать из-за такого пустяка. Если бы он пил уксус каждый раз, когда кто-то слишком долго смотрел на его супруга, то у него и Линь Цинюя не было бы времени на что-либо еще. Они бы не смогли выпить весь уксус до дна.

«Ты можешь называть его „супругой генерала“».

У Ююань пришел в себя и поспешно сложил руки в приветствии: «У Ююань приветствует супругу генерала».

Гу Фучжоу задал вопрос: «Ты пришел, чтобы обсудить военную стратегию?»

Только после вопроса генерала У Ююань вспомнил о цели визита, и он стал снова взволнованным: «Точно! В целом, огневое построение Западного Ся кажется непреодолимым, но есть недостаток, который чрезвычайно трудно заметить...»

Линь Цинюй предложил: «Генерал, почему бы вам не проводить генерала У в кабинет?»

«Хорошо, – согласился беспомощно Гу Фучжоу. – Пойдем со мной».

Линь Цинюй отправил их в кабинет, а сам, приказав Хуа Лу подать чай в кабинет, направился в медицинскую комнату.

Это была последняя ночь перед отъездом Гу Фучжоу. В его намерения входило хорошо провести эту ночь с великолепным красавчиком в своей постели, еще лучше, если они смогут сделать что-нибудь особое в такую ночь. Неожиданно, ему пришлось целых два часа слушать разглагольствования У Ююаня о военной стратегии против Западного Ся. Заметив, что приближается время комендантского часа, У Ююань неохотно отклонялся.

Когда Гу Фучжоу вернулся в их комнату, Линь Цинюй только что закончил мыться и вытирал влажные волосы. Гу Фучжоу подошел, встав позади него. Двигаясь совершенно естественно, он взял платок из рук Линь Цинюя и со вздохом заметил: «Поэма о праведном и пылком юноше только началась».

Линь Цинюй благосклонно позволил Гу Фучжоу вытереть свои длинные волосы, спросив: «О ком ты сейчас говоришь?»

«Об У Ююане, естественно».

«А как насчет тебя? – спросил Линь Цинюй. – Ты больше не причисляешь себя к молодым?»

«Я уже не молод, – Гу Фучжоу выглядел очень печальным. – Только увидев сейчас семнадцатилетнего У Ююаня, я понял, как я уже стар».

Линь Цинюй напомнил: «С точки зрения фактического возраста, тебе всего двадцать лет».

Гу Фучжоу снова тяжело вздохнул: «В этом теле нет ни капли молодости, и мой менталитет постарел вместе с ним».

«Это невозможно».

«Хм?»

«Даже в теле тридцатитрехлетнего мужчины я все еще чувствую в тебе так называемую „молодость“».

Гу Фучжоу ничего не ответил, просто продолжая смотреть на Линь Цинюя с легкой улыбкой на

лице.

Линь Цинюй взглянул на него, поинтересовавшись: «Что ты на меня так смотришь?»

«Ты действительно хорош в любовных разговорах, – Гу Фучжоу встретился взглядом с Цинюем через бронзовое зеркало. – Это твои первые отношения. Где ты научился всему этому?»

«Я просто говорю правду. Как в твоих ушах это превратилось в любовные разговоры?»

Гу Фучжоу воскликнул: «Это слишком хорошо. Ты просто слишком хорош. Скажи что-нибудь еще, это так приятно слышать».

Но Линь Цинюй в ответ замолчал.

Когда волосы Линь Цинюя почти высохли, Гу Фучжоу задумался и спросил: «Кстати, где мое копьё Цинъюнь Цзючжоу?»

Линь Цинюй ответил: «Оно все еще пылится в углу».

Копье Цинъюнь Цзючжоу, которое обычные люди не смогли бы нести даже двумя руками, Гу Фучжоу легко поднял одной рукой.

«Хорошо, его все еще довольно легко поднять, – отметил Гу Фучжоу, с гордостью добавив: – Мои двухчасовые тренировки по поднятию тяжестей не прошли даром».

Линь Цинюй нахмурился: «Разве ты не говорил, что будешь только разрабатывать стратегию, сидя в палатке?»

«Время от времени мне нужно будет использовать копьё Цинъюнь Цзючжоу и красоваться перед солдатами. Если я буду выглядеть неловким, когда возьму оружие в руки, разве тем самым я не опозорю звание генерала?»

Гу Фучжоу чистил копьё под лампой, а Линь Цинюй составлял ему компанию. Внезапно он сказал: «Я пойду с тобой на северо-запад».

Как только Линь Цинюй сказал это, то тут же начал сожалеть об этом. Учитывая их нынешнюю ситуацию, если они оба покинут столицу, то Си Жун позаботится о том, чтобы по возвращении им не было места в столице. В то время как Гу Фучжоу сражался на северо-западе, он должен был оставаться в столице, чтобы поддерживать хрупкое равновесие сил.

К счастью, Гу Фучжоу не воспринял его слова всерьез, ответив: «Ты не пойдешь».

«Откуда ты знаешь?»

Гу Фучжоу кивнул, поясняя: «Я знаю, потому что у нашего лекаря Линь не „мозг влюбленного“».

Линь Цинюй произнес, не задумываясь: «На самом деле я хотел бы иметь „мозг влюбленного“».

Так же, как это было у Цзинчуня с кролем Севера, – ни о чем не заботиться, ни о чем не волноваться. Они просто желали быть вместе и никогда не расставаться.

[Примечание: 痴 / liàn'ainǎo. В голове только любовь; тот, кто думает только о отношениях. Буквально, мозг влюбленного, любовный мозг, мозг любви. Относится к состоянию потери разума и суждений в любви, проявляющемуся в чрезмерном слепом поклонении влюбленным, самопожертвовании, стремлении к контролю и страдании от приобретений и потерь. «Любовный мозг» - это явление, психологически называемое «навязчивой привязанностью», которое проистекает из стремления индивида к стабильным и интимным отношениям, но страха быть брошенным.]

«Я бы этого не хотел, – Гу Фучжоу посмотрел на него с улыбкой, полной любви и восхищения. – Вечный, как небо и земля, сияющий, как солнце и луна – это и есть мой лекарь Линь».

Линь Цинюй усмехнулся и заметил: «Ты так хорошо запомнил „Девять глав“*. Почему же ты не осилил „Книгу песен“**?»

[Примечание: *九章 / jiǔ zhāng suànshù. «Математика в девяти книгах». Классическое сочинение, энциклопедия знаний древнекитайских математиков. Девять глав о математике; систематизированное изложение достижений в математике с Ранней Цинь до начала Восточной Хань.

**诗经. «Ши цзин», «Шицзин», «Книга песен». Один из древнейших памятников китайской литературы; содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э.; отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию; входит в конфуцианское «Пятикнижие»[五经].]

Гу Фучжоу знал, что Линь Цинюй имел ввиду его неудачное признание во время Праздника фонарей. Он ответил с улыбкой: «Это другое. В то время ты заставлял меня сильно нервничать».

Вспоминая тот день, казалось, что это было только вчера. Великолепные фонари по всему городу, бушующие волны толпы, звенящий повсюду веселый смех... и слова Линь Цинюя «Ты мне тоже нравишься».

Гу Фучжоу уставился на острие копья и неожиданно пробормотал: «Цинюй, на самом деле я...

немного напуган».

Линь Цинюй встал и приказал ему: «Опусти копье Цинъюнь Цзючжоу».

Гу Фучжоу сделал, как было велено ему. Линь Цинюй медленно двинулся к мужу. Мерцающий свет свечей подчеркивал его красоту. Казалось, что его фигура словно окутана слоем легкого тумана. Подняв руку, юноша развязал пояс. Халат соскользнул вниз до лодыжек. Перед Гу Фучжоу предстало стройное цвета алебаstra обнаженное тело.

Кожа, словно прохладный нефрит, красные ореолы на груди похожи на цветы вишни, длинные волосы, ниспадающие водопадом на красивую спину. Он предстал перед ним словно бессмертный несравненный красоты.

«Дай руку», - попросил Линь Цинюй.

Цвет глаз Гу Фучжоу сделался темным, дыхание участилось, но он спросил, улыбаясь: «Что ты сейчас делаешь, детка? Ты соблазняешь меня?»

«Нет, - Линь Цинюй раскрыл ладонь Гу Фучжоу и положил приготовленную им мазь на ладонь мужа. - Я здесь... приглашаю тебя».

Зрачки Гу Фучжоу расширились. Вся его фигура, казалось, была пригвождена к стулу, не в силах пошевелиться. Он пытался отвести взгляд в сторону, но рука Линь Цинюя схватила за подбородок, заставив Гу Фучжоу вновь взглянуть на себя. У мужчины не оставалось другого выбора, кроме как смотреть на эту великолепную красоту без единой нитки на теле.

«Если ты боишься устать, я сделаю все сам».

Гу Фучжоу с трудом проговорил: «Давай ты пригласишь меня снова, когда я вернусь?»

«Почему я должен ждать, пока ты вернешься? - без предупреждения глаза Линь Цинюй покраснели. - Это по той же причине, по которой ты отказался назвать мне свое имя в том сне?»

Гу Фучжоу взял плащ из лисьего меха, лежавший рядом, и накинул на Линь Цинюя.

«Конечно, нет. Подумай сам, меня не будет минимум полгода, а самое большее, три или пять лет. Если ты сейчас позволишь мне съесть мясо, позволишь съесть костный мозг и узнать его вкус, а затем отправишь на северо-запад, чтобы я стал вегетарианцем... Кто бы это вынес? Лучше я потерплю еще какое-то время. Как ты сказал, труднее иметь это и потерять, чем не иметь этого вообще».

Если бы он не добавил последнее предложение, слова Гу Фучжоу все равно были бы смешными. Линь Цинюй скривил губы, но в выражении его лица проскользнула капелька грусти. Гу Фучжоу видел, что Цинюй не верит его слова, а только притворяется, что верит.

Ни один из них не дал понять, что знает об этом. Гу Фучжоу боялся, что Цинюй простудится, поэтому отнес его на кровать и плотно укутал одеялом. Линь Цинюй не сопротивлялся. Опустив взгляд, он выглядел сейчас так, будто находится в полной власти другого. Внезапно, как будто вспомнив о чем-то, он порывисто схватил Гу Фучжоу за одежды, притянул к себе и торопливо проговорил: «Ты написал мне гарантийное письмо».

«Да, я написал тебе гарантийное письмо. – Гу Фучжоу сел в кровать и взял хрупкого красавца на руки. – Если я солгу тебе, ты можешь пойти к повелителю ада и пожаловаться на меня».

Линь Цинюй тихо прошептал: «Я хочу спрятать тебя, запереть, чтобы ты никуда не мог уйти. Я хочу, чтобы ты остался рядом со мной, смотрел только на меня».

Гу Фучжоу приподнял лицо Линь Цинюя за подбородок, внимательно вглядываясь в него. Он увидел, как жестокий и безжалостный красавец растерянно смотрит на него затуманенными глазами, как будто изо всех сил пытается сдерживаться. Гу Фучжоу обнял его крепче и сказал с улыбкой: «Это именно то, чего я хочу больше всего на свете. Тебе лучше найти цепь, чтобы приковать меня, чтобы, кроме еды, питья и сна, все, что я мог когда-либо делать, это делать кое-что с тобой».

Линь Цинюй неохотно улыбнулся, прижимаясь еще ближе к Гу Фучжоу.

«Хорошая идея, – через некоторое время он, наконец, проговорил решительно: – Иди, но ты должен вернуться... Ты должен вернуться».

В такой момент Гу Фучжоу не стал говорить много, он мягко провел по длинным волосам Линь Цинюй рукой и произнес только: «Хорошо».

В первый год правления Чуси, в малые снега*, Гу Фучжоу принял командование военным походом на северо-запад. Сын Неба вместе с гражданскими и военными чиновниками провожал армию, стоя на городских воротах.

[Примечание: 小雪 / xiǎoxuě. Малые снега – один из 24 сезонов года, с 22-23 ноября, отнесен ко второй половине 10-го лунного месяца.]

Гу Фучжоу поднял глаза вверх и увидел Линь Цинюя, стоявшего позади Сяо Цзе, почти на одном уровне с ним. На нем было надето придворное платье цвета лазури, снежная накидка с оторочкой из белого меха норки была плотно застегнута вокруг шеи. Красавец с холодным темпераментом, был похож на луну, которую восходящее сейчас солнце освещало теплым розовым светом, отчего его лицо казалось окрашенным в розово-красный цвет. Яркие глаза были полуприкрыты, ослепленные ярким светом.

Когда они пересеклись взглядами, Линь Цинюй слегка приоткрыл алые губы, произнес пять слов.

Гу Фучжоу слышал только свист ветра, но прекрасно знал, что сейчас сказал ему Линь Цинюй: «Я буду ждать твоего возвращения».

После этого губы Линь Цинюй шевельнулись еще дважды. Глядя на него, можно было понять, что красавец произнес не слово «генерал», не «муж» и даже не «Фучжоу».

Гу Фучжоу на некоторое время задумался, и вдруг уголки его губ непроизвольно приподнялись в счастливой улыбке. Затем он натянул поводья, развернул своего коня и крикнул У Ююаню, застывшему в ожидании рядом с ним: «Поехали».

Когда Гу Фучжоу развернулся, элитные войска императорской охраны последовали за ним, величественно покидая столицу.

Больше он не оглядывался назад. Независимо от того, вынудили ли его возглавить поход или нет, независимо от того, каковы были его шансы на успех... Уходя, он сделал это, выглядя красивым и свободным. Сейчас он совершенно не был похож на того молодого человека, который говорил Линь Цинюю прошлой ночью: «Я немного напуган». Он ушел так же, как... как тогда, когда прощался с ним во сне.

Он ни разу не оглянулся на него... ни разу.

Звуки рога придавали всему действию мрачную и трагическую атмосферу.

Герой, скачущий верхом на закованном в железо коне. Наполовину развернутое знамя, трепещущее на ветру. Проехав три тысячи миль, ты завоеешь славу на века.

Молодой герой, улыбнись, не страдай из-за предстоящей многолетней разлуки. В будущем предстоит трудная дорога. Вас разделят высокие горы. И, сражаясь в сотне битв в желтых песках твоим, единственным желанием будет не забыть родные края и вернуться в столицу. Пока бесконечными ночами кто-то с надеждой смотрит на горизонт, ожидая возвращения мужа.